

КРУГЛОЗОР

1/91

КАК
ЖИВЕЦЬ,
ГАРДЕМАРИН?

Соратники Ленина. Первая публикация
Последние минуты В. Маяковского

Бессмертное искусство Федора Шалапина
Поэт Галина Вишневская

Дмитрий Харатьян: продолжение следует
Вечная душа еврейских песен

1 2

3 4

5 6

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

7 8

9 10

11 12

Звезда Евгения Мартынова
«Делеш Мод» и английский техно-поп

Андрей Зубков и его песни
У микрофона снова Г. Хазанов

Дискотека Дайяны Росс
Мадонна и «Иглз» — в Европе и Москве

Дорогие читатели!
Журнал «Кругозор» — дитя технического прогресса. Старшее поколение читателей помнит, каким он явился на свет: небольшой, квадратный и с дырочкой посередине. Нет, эта дырочка была не потому, что новорожденный журнал зачитывался до дыр, а для того, чтобы ставить его на проигрыватель и слушать пластинки. Отныне, начиная с первого номера 1991 года, журнал будет выходить таким же красочным, с множеством фотографий, но вместо пластинок появятся кассеты. Готовит эти кассеты для нас СТИ «Интерпан». Естественно, что цена такого «Кругозора» заметно возрастает. Зато теперь тот, кто приобретает это аудиозапись, сможет слушать продолжение материалов печатных страниц, «завидно» кассету в магнитофон. Но те, кто пока не располагает этой современной техникой, пусть не огорчаются: большая часть тиража будет пока по-прежнему издаваться с гибкими пластинками. Встречи с «Кругозором» обещают много интересного, любопытного.

ДЕБЮТАНТЫ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

Певец русской природы? Да. Поэт малой родины? Да. Тихий лирик? Да. И все же — нет. Потому что есть другая Жигулин — задыхающийся, кричащий, стонущий, катающийся по окровавленному снегу отечественной истории. Те, кто встретился с поэзией Жигулина в начале шестидесятых, знают о втором «я» поэта. Удивительно здесь не отсутствие духа лиричности, развития эстетической и экспрессивной, жесткопсихологической — в творчестве поэта; в конце концов такого и сама жизнь. Удивительно другое: как эти линии обогащают друг друга. Это значит, что в «тихом» стихотворении вдруг открываются поразительный эмоциональный удар, а жесткость, порой даже жестокость, оборачивается покаянием, как в стихотворении «Забывтый случай» — об убийстве лагерного студента. Тюрма... Ссылка... Как трагически много значат эти слова в судьбах русских поэтов! Наверное, такого доля таланта — с малых лет искать правды мира, губительной для самого поэта. Испил этой чаши и Анатолий Жигулин. О том его автобиографическая книга «Черные камни». Книга страшная и добрая, рассказывающая не просто о последние десятилетия и Системы, а о вечном вызове души из гнева и гнета земной кривды в сторону неба. В конечном счете тому же посвящена и вся поэзия Жигулина. Значит ли это, что поэт разувенился в истине земной, в правде человеческой? Не думаю, ибо именно ради земли Жигулин навечно связал свой взор с небом. А небо в его стихах — это и Бог, и судьба, и пристанище поэта, и просто холодное ясное северное небо.

Александр ЛАВРИН
фото Н. КОЧНЕВА

НАСТРОЕНИЕ

Обложили, как волка, флагами,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черных стволах.
Я, конечно, совсем не беспечен.
Жалко жизни и песни в былом.
Но удел мой прекрасен
и вечен —
Все равно я пойду направо.
Вон и егерь застыл в карауле.
Вот и горечь последних минут.
Что мне пули? Обычные пули.
Эти пули меня не убьют.

БУРУНДУК

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Кольма-река,
На склоненной к воде лесине
Мы поймали бурундука.
По откосу скрепер проехал
И валежник ковшом расстряс.
И посыпались вниз орехи.
Те, что на зиму он приносил.
А зверек заметался, бедный,
По коряжникам у реки.
Видно, думал:
«Убьют, наверно,
Эти грубые мужики».
— Чем зимой-то будешь
кормиться?

Ишь ты, рыжий,
какой шустряк!..

Кто-то взял зверька в рукавицу
И под вечер принес в барак.
Тосковал он сперва немножко,
По родимой тайге тужил,
Мы прозвали зверька Тимошкой.
Так в барак у нас и жил.
А нарядчик, чуяк детина,
Хохотал, увидя зверька:
Надо номер ему на спицу,
Он ведь тоже у нас зека!..
Каждый сытым давненько

не был,
Но до самых теплых денюков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казенных своих пайков.
А весной, повздыкая о доле,
На деличке под птичий щелк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

Жизнь! Нечаянная радость!
Счастье, выпавшее мне.
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне.
И война, и лютый голод.
И тайга — сибирский бор.
И колдовий, жгучий голод
Ледяных гранитных гор.
Всяко было, трудно было
На земле твоих дорог.
Было так, что уходила
И сама ты из-под ног.
Как бы ни было тревожно,
Говорил себе: держись!
Ведь иначе невозможно!
Потому что это — жизнь.
Все приму, что мнится мимо
По дорогам бытия...
Жаль, что ты неповторима,
Жизнь прекрасная моя.

Продли,
Всевышний,
Дни моей Ирины.
Без глаз ее
Душа моя пуста.
Я без нее —
Как елка без вершины.
Я без нее —
Как церковь без креста.

ДОМ БЛОКА

Жизнь поэта после смерти —
Вечный спор добра и зла...
Книги, дали и повести,
Память, злая, как стрела,
И опил — оскока, ветер,
Чем душа его жила.
Что же, музей, коню, жужен,
Но, уж если нет него,
Пусть пока метель покружит,
Пусть пока ласкает стужа
Этот взорок для него.
Жаль, конечно, что спалили,
Льдомом к небу вознеси.
Огонек всегда любил
На Великой на Русь...
И пока все дился спор,
Был ли дом, а может, не был,
Стали поем пол и двор,
Потолок — высоким небом.

По белокрылком перелескам
В густом снегу
За рядом ряд,
Подобно ангелам небесным,
Земные елочки летят.

И сам лечу я в этой сини,
Льжичкой сверкающей бегу,
И стнуку кустики польни,
Слегка звенящие в снегу...

И время зимнего покоя,
Когда, почти что не дыша,
Любовью, болью ли, тоскою
Не омрачается душа!
Прими меня в свой сон беспечный,

В свой зыбкий холод уведи,
Дорогой трепетной и вечной,
Где что-то мнится впереди.

Полынный берег,
мостик шаткий,
Песок холодный и сухой,
И вьюсы ласточки-касятки
Над покосившейся стрехой.

Россия... Вьюженная болью
В моей простреленной груди.
Твоих платеный сырые колья
Весной платяются цвести.

И я такой же — гнутый, битый,
Прошедший много горьких вех,
Твоей изрубленной ракиты
Упрямое выживший побег.

Записи, которыми открывается этот номер журнала, нашему поколению незнакомы. В течение многих десятков лет они пролежали в пыли спецхранов и лишь недавно извлечены на свет

и заботливо отреставрированы сотрудниками Научно-исследовательского Центра космической документации. Вам предлагается, словно в машине времени, совершить путешествие к истокам нашей государственности, послушать, что и как говорили вожди пролетарской революции.

— Ну вот, опять о революции! — поторопится отмахнуться иной читатель и слушатель нашего журнала.

— Что еще нового можно о ней сказать?

Сказать еще можно многое, и это, на наш взгляд, делать нужно обязательно, ибо сколько лишних и фальшивых красок лежит на ее портрете! Сколько полуправды и неправды скрывает от нас истину! Чтобы исторически верно судить о том, что произошло в октябре семнадцатого года и в последующую эпоху, чтобы объективно оценить деяния лидеров революции и ее масс, наложившие отпечаток на все наше сегодняшнее существование и сознание, честным будет обойтись без румян, к которым с фантастической бесцеремонностью прибегала державная идеология с помощью официальной литературы, истории и философии; но не менее честным будет отказаться и от агрессивного очернительства.

Сейчас на Коммунистическую партию со всех сторон обруиваются критические и обвинительные удары: и революцию-де она не ту и не так осуществила, и допустила коллективизацию, репрессии, безумство бюрократии, нравственный упадок общества, разгул преступности. Да и перестройку, которую партия выстрадала и начала, она же, партия, провалила.

И вообще — где они, обещанные перемены и улучшение

жизни как в материальной, так и в духовной сфере?

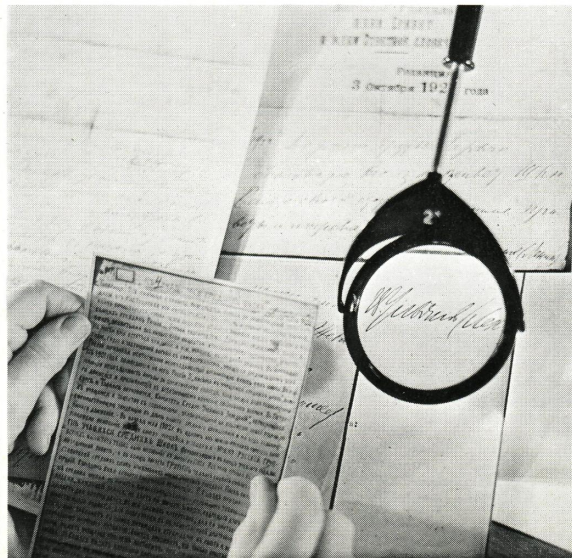
Мы всего желаем добиться сразу, сейчас же, забывая, однако, что одна из главных бед нашего народа заключалась как раз в том, что от него потребовали немедленного перехода на иной, изобретенный оторванными от реалий бытия теоретиками и практиками коммунизма, образ жизни и образ мысли. Собственно, ради этого и совершалась революция, и бросались на жертвенный алтарь миллионы судеб в гражданской братоубийственной войне. Отсюда, именно отсюда пошел отсчет времени, в котором начали действовать люди — «винтики», «приводные ремни». Если они скрепляли собой социалистическую арматуру и приводили в движение механизм диктатуры, их оставали существовать. Если ломались или — не дай Бог! — не подходили по размеру, не могли вкручиваться или крутить, их выбраковывали и выбрасывали. Ну как было не возникнуть на такой благодатной почве режиму тоталитарному? Со Сталиным ли, с другими ли инквизиторами и идеямиными максималистами?

Сейчас, похоже, перестройка дала право все расставить по своим законным местам. Вот и прежние названия городов, улиц и площадей возвращаются. Но, согласитесь, можно отправить в утиль таблички с именами наших бывших героев и кумиров, можно заново отпечатать справочники, карты и путеводители, но из истории нельзя выкинуть ничего! Вот почему «Кругозор» решил предоставить вам уникальную возможность звукового свидания в нескольких номерах с известными и «забытыми» лидерами революции и социалистического строительства. Вслушайтесь в эти голоса, выните в суть произносимого, в интонацию даже и сами же делайте выводы.

Борис АНТОНОВ

ГОЛОСА РЕВОЛЮЦИИ

О том, как были созданы, а затем обрели вторую жизнь записи речей активных участников Октябрьской революции, «Кругозору» поведал первый заместитель председателя правления комиссии «Звуковые памятники» Советского фонда культуры, кандидат исторических наук Георгий ПЕТРОВ.

В начале 1919 года лидеры большевизма получили лично от Ленина необычное, но, как всегда, неукоснительное для исполнения партийное задание.

Заведовавший в те годы Центропечатью Б. Ф. Малкин вспоминал: «Владимир Ильич много нам рассказывал об использовании граммофонов во время предвыборной кампании в Америке и слышанных им в Швейцарии записях политических речей. Владимир Ильич настаивал, чтобы и мы использовали опыт заграницы». Ленин собственноручно составил список лиц, чьи голоса должна была зафиксировать грамзапись: Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, Н. А. Семашко, Клара Цеткин, Л. Б. Красин, Д. А. Курский, Н. И. Бухарин, А. М. Горький...

Вождем и пример подавал, записав на пластинки 16 своих речей. Однажды он напомнил Малкину, что обязательно нужно записать и Всероссийского старосту, и тут же сам позвонил Калинин, попросив его подготовить несколько выступлений для крестьян. Малкин вспоминал, что Владимир Ильич, шутя, грозил даже Дзержинскому арестом за нежелание записываться. Правда, до сих пор запись

его не найдена, и неизвестно, осуществлена ли она. Зато известно, что такого задания не удавалось «верный соратник Ильича» И. В. Сталин.

Работа, проведенная научными сотрудниками Центрального государственного архива звукозаписей СССР и уфимским коллекционером-филономистом Е. Паскудским, позволила установить, что в 1919–1921 годах выпущено около 70 пластинок с выступлениями большевистских ораторов. Планированием агитационного репертуара занималась редакционная коллегия, в которую входили Ленин, Коллонтай, Троцкий, Бухарин и представители Центропечати. Все записи проводились в студиях Москвы и Петрограда немецкими специалистами Оскаром Блеше и Августом Кибартом. Отдел «Советская пластинка» Центропечати РСФСР работал весьма оперативно (даже по меркам нашего времени): некоторые грампластины выходили через два месяца после проведения записи! И расходились в невиданных количествах. Только за три месяца 1920 года разошлось на места около восьмидесяти тысяч пластинок. За два последующих года — еще свыше полумиллиона. Черные диски с этикеткой «Советская пластинка» Центропечать бесплатно раздавались на агитпунктах, на крестьянских сходках, в рабочих клубах, в частях Красной Армии. В специально построенных павильонах, с открытых повозок и автомобилей, на которых устанавливались граммофоны, проводились организованные массовые прослушивания «звуковых статей». В циркулярном письме ЦК партии «Об агитпунктах» тогда указывалось: «Необходимо добиться того, чтобы каждый крестьянин из глухой деревушки мог слышать хотя бы на пластинке подлинные речи великих вождей пролетарской революции». Вот эта подлинность и представляет для нас главную ценность. Какую пластинку ни возьмешь — она частица нашей истории. О политике партии и Советского государства говорят те, кто непосредственно осуществлял программу революционного преобразования России так, как того требовали обстановка и директивы руководства правящей партии. То был период, когда закладывался тот путь, полный надежд и заблуждений, подъемов и спусков, похожих больше на падение, которым мы шли целых семь десятилетий.

К сожалению, далеко не все уникальные грамзаписи сохранились. Тому были трагические причины.

30-е годы. Сталинские репрессии обрушились на многих из тех, кто составлял ленинское окружение, но теперь объявлялся врагом на-

ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ

рода. В то время архивы находились в системе учреждений НКВД, и целый ряд речей политических деятелей революции, записанных на грампластинки в 1919—1921 годах, подверглись уничтожению. Их разбивали, активировали и отправляли на свалку. Свидетельства об этом до сих пор хранят рабочие архивные описи, дошедшие до нашего времени. На документах перечислений грампластинок с записями речей «врагов народа» стоят весьма красноречивые жирные штампы: «Уничтожить! 1938 г.». Уничтожались физические деятели революции, стоявшие у ее истоков, уничтожались и историческая память о них. Не найти уже в архивах пластинок с голосами Бухарина и Каменева, Зиновьева и Радека — сохранились лишь номера да обозначения тем выступлений.

Отсутствуют пластинки с записями речей Троцкого, которых было сделано, по всей вероятности, девять (по каталогу можно установить их тематику). Но каким-то чудом уцелел граммофонный его речи «Братский Союз Советских Республик», датированный апрелем 1919 года. После тщательной реставрации он удался полностью восстановить, и она обрела право достоверного документа. Кстати, именно «Кругозор» познакомил с ним слушателя, поместив в № 2 журнала за 1990 год фрагмент речи Троцкого. Теперь дело за другими публикациями.

Нужно отдать должное труду специалистов, осуществивших идею спасения исторических звуковых документов. Мало сказать: отреставрировать уникальные записи. Пришлось осуществить, по сути, новаторскую инженерную программу. С медных граммофонов, хранящихся в Центральном государственном архиве звукозаписей СССР, были сделаны никелевые матрицы, заново отпрессованные из поливинилхлоридной пластмассы, затем сняты магнитные фонограммы, исправлены позатпо дефекты записи. Специалисты НИЦ космической документации и Всесоюзной студии грамзаписи с особой тщательностью, с применением новейших методов работали над восстановлением каждого слова, каждой фразы уникальных записей. Благодаря высочайшему мастерству, идеальному слуху этих людей удалось очистить фонограммы практически от всех шумовых наслоений, помех, сохранив при этом большую ясность, четкость, естественный тембр голоса говорящих. Результаты совместной работы реставраторов и архивистов поистине блестящи, но, главное, они теперь могут служить исторической правде.

Коллаж А. КОВАЛЕВА

От редакции:

Коллекционеры, читающие эти строки, любители и знатоки старых грампластинок, уважаемые наши слушатели! Если в ваших старых сундуках, сараях и на чердаках дач вместе с дедушками-патедонами хранятся старые диски, взгляните внимательно: может быть, вы увидите на них этикетку «Советская пластинка. Центрпролечать». Помните: это ценный исторический памятник! В случае находки напишите по адресу журнала или в Центральный государственный архив звукозаписей СССР (Москва, 2-я Бауманская, 3). Поиск уникальных фонодокументов должен продолжиться. Они стоят того. На первой звуковой странице вы услышите фрагменты речей трех известных деятелей революции — Н. Подвойского, Н. Семашко и Н. Крупской.

Николай Ильич Подвойский, член партии с 1901 года, был одним из непосредственных руководителей Октябрьского вооруженного восстания, председателем ВРК, командующим Петроградским военным округом, первым наркомом по военным делам республики. Предлагаемый фрагмент — из его речи «Для чего нужна Красная Армия». Партиный стаж Николая Александровича Семашко и того больше — с 1893 года. Партиный функционер и врач, первый нарком здравоохранения РСФСР. Как совмещалась в нем (и совмещалась ли?) обязательная партийная жесткость и не менее обязательная докторская милосердность. Во всяком случае, не является ли его речь «Медицина трудящихся и социализм», фрагмент которой предлагается, иллюстрацией «блестящих достижений отечественной медицины?»

Если Подвойский и Семашко записаны в 1919 году, в пору, как утверждалось, необходимой агрессивности, то выступление пропагандиста большевизма Надежды Константиновны Крупской взято нами из 34-го года. Могла ли Надежда Константиновна в то время не знать о том, какую цену заплатили и весь советский народ, и разделившие с ним горькую участь представители ленинской гвардии за победу социализма?.. Впрочем, вслушайтесь в ее голос, интонацию. И вам многое станет ясно. Ее выступление впервые прозвучало по радио в канун 17-й годовщины Октябрьской революции.

Дмитрий Харьягин так широко известен и любим зрителями, что совершенно ни к чему перечислять фильмы, в которых он снимался. В проводимом «Советским экраном» рейтинге «Актер» Дима второй год удерживает пальму первенства. Сколько ранняя популярность искверкала характеров, сломала судьбы! Мне кажется, Дмитрию Харьягину это не грозит: в жизни он милый, приветливый и скромный человек, хорошо знающий свои возможности и понимающий цену своей популярности. Не хочется говорить о нем много: когда человека обильно хвалят, это вызывает раздражение. Его работа в кино, его песни расквашивают о нем больше. Может быть, что-то новое для себя вы узнаете из нашего с ним разговора.

Итак, Дмитрий Харьягин — вчера, сегодня, завтра.

— Только давай сразу на «ты»... 30 лет прошло, из них 15 в кино — перелав достаточно серьезные. Доволен ли ты результатами, с которыми на этот рубеж вышел?

— Я на судьбу не жалуюсь и не кокетничаю. И мне не хочется выглядеть ни везучником, удачливим мальчиком, ни трагической фигурой. Внешне моя жизнь в кино складывается достаточно успешно. Даже не будь рейтинга, я знаю, что те картины, в которых я снимался — «Розыгрыш», «Зеленый фургон», «Скорость», «Гардемарины, вперед!», — любят зрители, помнят их. На своих так называемых творческих вечерах я это вижу и слышу. Хотя, конечно, хотелось бы попробовать себя в ролях совершенно другого плана, другого уровня.

— В своем интервью «Комсомолец» ты сказал, что мечтаешь сыграть Гамлета. А ты всевозможные думал об этом? Ведь всякая роль тем более такая, в твоём исполнении интересна лишь тогда, когда она по-настоящему твоя.

— Я с Гамлетом сблизился, можно сказать, на втором курсе театрального училища. Мне предложили сыграть отрывок из этого великого произведения Шекспира. В течение полугода я репетировал с Л. Е. Хейфецем и Р. Г. Солдатовой и тогда же понял, что это та самая роль, к которой мне хотелось бы рано или поздно вернуться и попробовать все-таки сыграть. Но Гамлет, скажем, Сомкинского и Гамлет Высоцкого разные не только потому, что их играли люди с разной психологией, разным уровнем эмоциональности, еще и оттого, что они делали это в разное время. Ведь сегодня Гамлет один, а завтра — буквально завтра — уже другой. Именно поэтому

ИГРАТЬ —
ТАК ГАМЛЕТА!

ПРЕСЬЕРА В «КРУГОЗОРЕ»

На пятой звуковой странице — песни Андрея Голдина на стихи Сергея Жигунова «Вгонь свечки» и «Славный парень супермен». Поет Дмитрий Харьягин.

5

▶ Я не могу сейчас точно сформулировать, каким будет мой Гамлет. В работе над этой ролью обязательно «примет участие» время, в котором мне посчастливилось — если посчастливилось! — ее сыграть. Конечно, мой ответ — традиционный актерский ответ на традиционный журналистский вопрос. Но я считаю, что уж если стремиться к чему-то крупному, серьезному, то никак не меньше, чем Гамлет.

— Дима, а когда ты по-настоящему ощутил свою популярность?

— 10 января 1977 года в «России» и в «Октябре» состоялась премьера «Розыгрыша», и недели через две я уже почувствовал на себе бремя популярности. Меня стали узнавать на улице, начали пакками приходить письма, посыла-

Век нынешний и век минувший снова пересеклись в судьбе Дмитрия Харатьяна. На съемках с режиссером Светланой Дружининой на озвучивании; на съемках фильма «Виват, гардемарины!».

Фото А. ЛИДОВА и А. МАРШАНИ

ки, в общем, началась совершенно какая-то новая жизнь, которую я не мог себе представить и о которой не мечтал никогда.

— Выходит, это случилось в 16 лет — возраст критический, пора формирования личности. Как ты считаешь, повлияла ли на все это твоя внезапная известность?

— Вот я теперешний сижу перед тобой, ты и суди, как это на меня повлияло. Я не знаю, наверное... Сам понимаешь, испытание серьезное. Есть замечательный стих у Пастернака:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Это гениально, и я все время чувствую, что это прямо про меня написано. Знаешь, мне так стыдно, так неловко, когда ко мне в очередной раз подходит корреспондент и просит дать интервью, потому что зрители, читатели требуют... Именно не шумиха, не успех, а самоотдача должна быть целью, и мне сам процесс работы гораздо более интересен, чем ее результат. Хотя, конечно, популярность актеру необходима — как форма существования, оплаты труда, что ли. Она как раз и дает ощущение, что все это ты делал не напрасно, это нужно людям, интересно им. Ведь играем мы все-таки для зрителя, хотя, конечно, я познаю себя, играю разных, не похожих на меня людей, узнаю границы своих актерских возможностей.

— А как ты сам считаешь, насколько тебе удалось их реализовать?

— Мало. Но не было и повода разочароваться, поскольку я не сыграл еще ничего серьезного. Был только Гамлет в театральном училище, и еще момент был серьезный, переломный для меня — точнее, мог бы стать таким, если бы роль состоялась.

— Это Пушкин?

— Это Пушкин режиссера Марлена Хуциева. Впрочем, для меня роль как раз состоялась, и перелом наступил.

— Но ведь Хуциев тебя не утвердил?

— Нет, Хуциев-то меня как раз утвердил. Меня не утвердило Госкино, Ермаш. Тут история, покрытая тайной до сих пор. Помимо всяких производственных проблем был еще главный вопрос — о выборе исполнителя. Хуциев утвердил совсем молодого тогда Дмитрия Харатьяна, а ему говорили, что брать на такую роль какого-то пацана по меньшей мере легкомысленно. Представляешь, Хуциеву указывают, кого ему снимать!

— А когда это было?

— Это был 1981/82 год. Мой выпускной год. С Марленом Марты-

новичем я общался постоянно, мы ездили в Михайловское, все время говорили о Пушкине, я прочитал много литературы. Это было приближение к настоящему Пушкину — не тому, которого все по школьной программе знают. Были фотопробы, теле- и кинопробы. Сейчас, по-моему, они смыты. Меня утвердили, поздравили, дали сценарий, но к съемкам мы так и не приступили.

— Дима, чего ты ждешь от нового года и чего ждешь нам, твоим зрителям?

— Для меня этот год очень важен, поскольку выйдут сразу три картины, которые кажутся мне достаточно значимыми. Это в первую очередь, конечно, продолжение «Гардемаринов» — фильм будет называться «Виват, гардемарины!». Вторая картина тоже своего рода продолжение. Это Дюма «Бюканот де Бражелон». Это Фильм снимает режиссер Г. Юнгвальд-Хилькевич. Он предложил мне сыграть две роли, на мой взгляд, очень интересные и для меня необычные. Это Людовик XIV и его брат-близнец Филипп — Железная Маска. Работа над третьим фильмом уже закончена. Картина снята на Одесской киностудии режиссером Александром Павловским, одним из самых близких мне людей и творчески, и по-человечески (он в свое время снял «Зеленый фургон»). Новый его фильм называется «И черт с нами». Это современная комедия положений, комедия ситуаций, где я тоже играю одну из главных ролей.

И еще об одной предстоящей работе: пишется сценарий продолжения фильма Леонида Гайдая «Частный детектив, или Операция «Кооперация». Фильм будет на советско-американскую тему. В Америке — по сценарию — существует русская мафия, и американцы не могут с ней справиться своими традиционными методами, поскольку у них совершенно другая психология. Им непонятно, как это можно воровать что-то там, где ты работаешь, развлекать бензин водой и так далее — в общем, чисто советские шутки.

— Конечно, кому же справиться, как не твою герою!

— Да, и поэтому они вызывают уже известного к тому времени сыщика Диму Пузырева, который эту мафию и раскручивает — там, в Америке, на Брайтон-Бич. Вот такая история. Думаю, что получится очень интересно. Как-то я все в продолжениях снимаюсь...

— И тем не менее хочу пожелать, чтобы именно теперь зрители открыли для себя нового Дмитрия Харатьяна.

Интервью провел Владимир МАРТЫНОВ.

РОДИНУ НАМ ДАЕТ БОГ

Один из богатых районов Парижа. Улица Жоржа Манделя. Высокая металлургическая ограда, за которой обитают миллионеры, банкиры, знаменитости. Ворота в дом, где на втором этаже живут Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, распахнуты настежь: ни замков, ни звонков, ни псов на цепи. Консьержки я тоже не обнаружил. «Смелые, однако, люди живут здесь», — подумал я.

— Это Левкицкий, «Екатерина Вторая». Это Елизавета, очень известный портрет. Может быть, рисовал Антропов. Но под вопросом. Это Петр Первый, с натуры. Царь позировал художнику, представляет? Ведь монархов чаще всего рисовали по памяти. Это портрет государя Николая Второго кисти Серова. А фарфор императорского завода, редкий, в особенности статуэтки! Мебель собиралась по разным странам: Аргентина, США, Англия. В основном на аукционах. Там, наверху, Репин, Иванов, Боровиковский, Венецианов. Это...

Это их русский дом. Здесь все из России. Когда в 78-м году знаменитых музыкантов лишили гражданства, они стали искать постоянный приют. До этого ничего не покупали, жилье снимали в аренду.

— А этот Палех заказной?

— Да, сделано еще в России. Художнику дали мои фотографии в разных ролях, но имя скрыли, чтобы карьера ему не портить. Как нас тогда называли в газетах: «идейные перерожденцы», «антисоветчики», «предатели Родины»? Но, вы знаете, моя душа во мне. Свой народ я люблю, никогда от него не отрекался и не отрекнусь никогда. Я горжусь тем, что принадлежу к великому русскому народу, с этим чувством жила, с этим чувством и буду жить столько, сколько угодно Богу.

Мне захотелось встретиться с Галиной Павловной Вишневской после того, как я прочитал ее книгу «Галина. История жизни». Впервые эта книга вышла в США в 1984 году. Потом в Англии и Франции. Сейчас она переведена на 15 языков, получила несколько литературных премий, стала бестселлером.

И вот, будучи в Париже, я начал читать книгу Вишневской. И читал всю ночь напролет не сомкнув глаз. Не мог отложить ее в сторону. Эта книга — одно из самых впечатляющих свидетельств нашего современника о нашем времени. Прочитав ее, я пришел к Галине Вишневской уже не как к выдающейся актрисе, а как к человеку уникальной драматической судьбы.

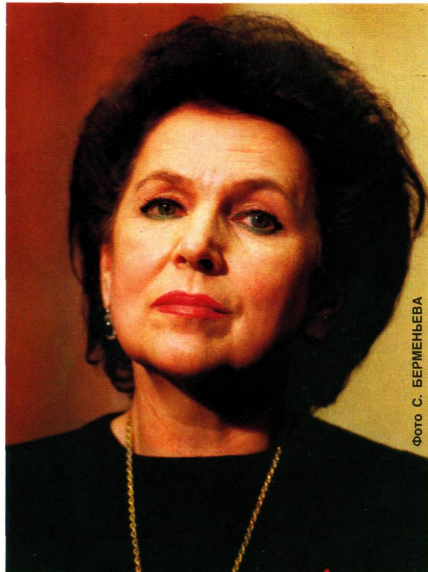

ФОТО С. БЕРМЕНЕВА

— Книгу свою я писала не для советского читателя. Мне и в голову не приходило, что при моей жизни она может быть опубликована в России. И если «Галину» будут издавать у вас, то переделывать ее я не буду, пусть все останется так, как было. Когда я писала, я держала себя в вожжах. Ведь если бы я написала обо всем, мне бы здесь никто не поверил.

Расспрашивая Галину Вишневскую, я как бы еще раз перелистывал страницы ее книги и, конечно, не мог не спросить ее о Большом театре, где она проработала 22 года.

— Большой театр переживает сейчас трагическое время, и боль-

но наблюдать за этим. Театру нужны большие личности, которые поведут за собой коллектив, молодых. Я пришла в Большой в 52-м году, там пели Козловский, Лемешев, Максакова, Давыдова, Шпиллер, Ханаев, Пирогов, Рейзен, Михайлов.

Боже мой, какие имена! И мы взяли у них предке всего честное отношение к искусству. Нынче театр обезглавлен. Убрали режиссера Бориса Покровского, просто выжили его. Кто? Середняк воинствующий. Рождественский не работает. Светланов? Не могут наладить с ним отношений. Я пишу о Светланове в книге, ведь мы начинали вместе. Большой мастер, с богатым жизненным опытом. А Ростропович? Вот такие люди могут спасти искусство, без них ничего не получится, на пустом месте плоды не растут.

— Лучшая пора вашей жизни, Галина Павловна? Я не ошибусь, если...

— ...Не ошибетесь. Большой театр, как оперной певицы.

— Вы многого достигли, были признаны лучшей певицей мира, а могли бы достичь большего?

— Безусловно! Я многого не сделала, даже в Большом театре. В силу условий самой работы, бытовых условий жизни, бесконечных забот. Я даже не связываю свои творческие возможности с политическими делами, с Солженицыным, когда меня всячески третируют. Репертуар в Большом из года в год один и тот же. Невозможно было пробить новую оперу. А я мечтала спеть оперы Верди... Много. Но ничего не вышло.

— Вот вы обмолвились о Солженицыне. А как в свое время, когда вы были в ореоле славы, а Солженицын в опале и гонении, возникла мысль приютить его у себя на даче?

— Муж мне сказал: «Александр Исаевич надо помочь». Вот мы и помогли. Потом остржки шутили, что у нас на даче живет сторож — Нобелевский лауреат. Жил он у нас четыре с половиной года. Там и двое его детей родились.

— А сейчас вы видите с Солженицыным?

— Последний раз я встречалась с ним, когда закончила книгу. Педерд сдачей в издательство, а попросила его прочесть. Очень при этом волновалась. Ждала приговора, оценки, совета — не знаю чего. И вот приходит от него письмо. «Книга понравилась, а самое ценное в ней, — пишет Александр Исаевич, — искренности и интонация голоса». Для меня оценка Солженицына очень важна.

— Галина Павловна, а Мстислав Леопольдович не пишет книгу?

— Нет, ему некогда, и я очень об этом сожалею. Ведь он один из

**На четвертой
звучной странице
в исполнении
Г. Вишневской
вы услышите
романс
П. И. Чайковского
«То было
раннее весной-
ное и армя
из «Бразильской
баханы» № 5
Вилла-Лобоса
(фрагмент).
Соло
на виолончели —
М. Ростропович.**

немногих, кто знал Прокофьева. С Сергеем Сергеевичем он дружил еще с юности. Столько впечатлений он вынес из этой дружбы. О Шостаковиче обязан написать! Ведь до сих пор о Шостаковиче правдивой книги нет.

— А что вы можете сказать в сравнительном смысле о западной культуре и нашей русской?

— Вы знаете, это разные качества. Общая культура на Западе выше, но не специальная. Россия столько лет была закрытой, а люди должны пользоваться цивилизацией, видеть, что сотворил человек не только в своей стране. Для артиста это необходимо в первую очередь. Прежде чем прийти в театр, артист уже должен многое знать. Он уже должен быть культурным. В России же этого нет.

— А что вы вообще думаете о 73 годах, прожитых нашей Родиной после революции?

— Вы знаете, я не настолько политически грамотна, чтобы делать какие-то выводы. Но одно могу сказать, что я с ужасом смотрю на то, что происходит в стране, точнее на то, как живут там люди. Ведь их мозги забиты каким-то ненужным хламом, они не успевают даже мыслить, потому что вся энергия уходит на какую-то возню: все чего-то надо достать, достучаться до какого-то чиновника, разобратся с доносом на тебя, и в этом ты копошишься. И жизнь уходит. Скажите, ну разве это не так? Когда я оказалась здесь, вся такая суета спала, вдруг исчезла, растворилась, и я стала другим человеком.

— А какое в вас сейчас чувство: боли, злости, сострадания?

— Никакой злости. Боль. Я страдаю за своих соотечественников, за их детей, за несчастных женщин. И как же можно не страдать?

— Галина Павловна, в таком случае, что бы вы, прожив на Западе 16 лет, сказали сегодня о русской женщине? О ее судьбе, положении в обществе?

Моя собеседница саркастически рассмеялась.

— Ни одна женщина мира не согласилась бы так жить как живут наши русские. Бесконечное отсутствие и выносливость. Тащить на себе все и при этом, если надо, все забыть, все прощать. Я смотрю советское телевидение, боже мой, какие они измученные, издерганные! Как же можно довести женщину до такого! Мужчины, вы за многое ответственные в этой проблеме! Самая тяжелая работа — на женщинах, самая грязная — на женщинах. Семья, эти чудовищные очереди! Как женщин хватает на все?! Диву даешься — почему они еще живы?

— А что такое женщина здесь, на Западе?

— Здесь? Вы знаете, как они качают свои права, как их боятся мужчины? Посмотрите на улицах! Дело не в тряпках, не в том, как одета женщина, — глаза другие, походка другая, уверенность! Особенно в Америке, там женщина — огромная сила.

— Кто, по-вашему, олицетворял сопротивление режиму — сталинскому ли, брежневскому — у нас в стране?

— Таких единицы, их все знают. Солженицын, который, как танк, шел напролом, отстаивая свое. Тарковский, Пастернак, Ахматова, столько страдавшая, но остававшаяся гордой, непреклонной.

— Замечательные она посвятила вам стихи: «Женский голос, как ветер несется...»

— Но я с ней не была знакома. Стихотворение это она написала под впечатлением моего исполнения «Бразильской бахианы» 19 декабря 1961 года.

— А как вы узнали об этом? Вам было известно, что Ахматова посвятила вам стихи?

— Нет, о посвящении я узнала после смерти Анны Андреевны. Стихи она написала в больнице, где услышала мое пение по радио.

— Галина Павловна, даете ли вы благотворительные концерты?

— Я — нет, а Слава довольно часто. В пользу больных, детей, стариков, в защиту животных. По всему миру он дает в год порядка двадцати бесплатных концертов.

— Вы знакомы со здешними «звездами»? С Мариной Влади, например?

— Марина как раз вчера была у нас дома.

— А политические деятели входят в круг ваших знакомых?

— Конечно, мы много раз бывали в Белом доме, общались с Рейганом, Картером, с Бушем знакомы с той поры, когда он был еще вице-президентом.

— В Париже вы живете постоянно?

— Нет, мы не живем на одном месте, в Париже — это любимая моя квартира. Есть у нас квартиры в Нью-Йорке, в Вашингтоне, в Лозанне, в Англии...

— Какое качество в человеке вы цените больше всего?

— Честность. Моя бабушка учила меня двум заковам: не врать и не воровать.

— Вы знаете, я сейчас подумал, что вашей книгой «Галина» вы как бы отделились, правдиво выговорились. И вам стало легче. Не так ли?

— Абсолютно верно. У меня была потребность рассказать о наболевшем, о своей сложной и нелегкой жизни. Я должна была это сделать. И это помогло мне жить дальше.

Феликс МЕДВЕДЕВ

EMEX В ЗАПЕ

КАЖДЫЙ КУЛИНАР МОЖЕТ УПРАВЛЯТЬ ГОСУДАРСТВОМ

Алексей ПЬЯНОВ
Геннадию ХАЗАНОВУ

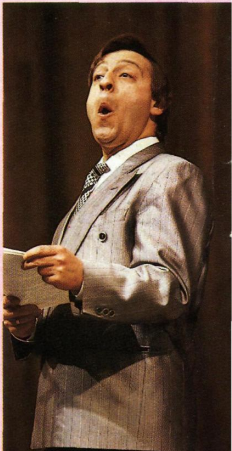
С изяществом презрев
опасность,
Он нам такое говорил...
И этим начиналась
гласность,
Когда еще застой царил.

Партер трясло,
как в малярии.
Галерка не жалела роз...
Он начинал с кулинарии.
Чем он закончит?
Вот вопрос!

На десятой
звуковой
странице
Геннадий
Хазанов
исполняет
миниматуру
Виктора
Шендеровича
«Ностальгучик».

Фото
Л. ШЕРСТЕННИКОВА

«И сказал Господь Бог Ною: ...Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи...»

Бытие, гл. 6, ст. 14.

Нет, мы никоим образом не желаем бросить тень сомнения на авторов книги Бытия. Сказал — так сказал! Но вот КТО сказал? И тут обнаруживается небольшая неточность в тексте. Дело в том, что понятия «Господь Бог» и «Разум» изображались похожими знаками. Из-за этого путаница получилась и в таких выражениях, как: «Без царя в голове» или «Олух царя небесного». Если точно перевести слова Библии, то получится вместо «И сказал Господь Ною» — «И сказал разум Ною...», а далее, как говорится, по тексту.

Иначе и быть не могло, потому что никто, даже сам Господь Бог не решился бы поучать старика Ноя, как ему строить ковчег! К тому времени Ною, как сказано в книге, перевалило за шестьсот лет. И, надо сказать, что с малолетства он трудился в качестве столяра и плотника в городе Уре, на берегу Евфрата. Ему ли было

— Так какие будут распоряжения насчет воды, папаша, будем запасать? — спросил Иафет.

— Подождем! — ответил Ной.

— Значит, вы, папаша, не верите жрецам, — снисходительно улыбаясь, сказал Сим и подмигнул братьям, — а ведь они предсказывают на основании самых последних научных данных. Не верить им просто как-то неловко.

— Что-о? — сказал Ной. — Перед кем это неловко? Что они понимают в погоде, эти самые жрецы науки! Я живу на свете шестьсот лет и то не всегда могу сказать, какая завтра будет погода. Скорей всего они сейчас просто распускают уши, чтобы быстро распродать запасы воды.

Весь вечер того дня Ной не работал, а ходил по берегу Евфрата. Он зачем-то приподымал прибрежные камни и внимательно присматривался к земле, на которой они лежали, заглядывая даже в крысиные норы, перетирал в пальцах и пробовал на вкус листья деревьев. Чем дольше он этим занимался, тем озабоченнее становилось его лицо. Хищный, он возвратился домой и, ни слова не говоря, лег спать. Наутро он объявил сыновьям:

ПОПУЛЯРНО
О БИБЛИИ

УПРЯМЕЦ НОЙ И ЖРЕЦЫ НАУКИ

не знать, как строится ковчег, где чего смолить и отпилить?

Старик и детей своих пристроил к делу. Как известно, у него было три сына. Сим трудился по торговой части, сбывал сундуки, табуретки и ковчег. Иафет вел бухгалтерию и рекламу фирмы, а третий сын — по имени Хам — работал на лесоповале. Заготавливал сырье.

К обеду все собралось вместе. Вот сидят они за трапезой однажды, а Иафет, только что вернувшийся из города, и говорит:

— Жрецы предсказывают великую засуху, велят запасать воду...

Отцу прервал его:

— Занимался бы лучше своим делом, чем слушать всяких бездельников! Что это за стишки ты расклеил по городу? Как это...

— Адам и Ева — наши предки!

— Купите наши табуретки! — пропел Сим и захихикал. — А что? Ведь покупают! Теперь, папаша, модны рекламы в стихах!

— Наверное, сам сочинил? — фыркнул Ной. — Могли бы и заказать специалистам, я ведь, кажется, не жалею денег на рекламу. Модно! Насмотрелся я на вашу моду за шесть веков.

Он замолчал и занялся отличной бараниной, которую редко где так готовили, как в доме у Ноя.

— Будет не засуха, а сильное наводнение, всемирный потоп, короче говоря. Сегодня же начинаем строить ковчег, большой ковчег. Не меньше трехсот локтей в длину, а дерево надо взять — гофер. Сим, почему нынче гоферовые доски на рынке?

В те времена сыновья еще беспрекословно слушались своих стариков, и, заметим, как в этом конкретном случае, не без пользы.

Когда весь город узнал, что Ной с сыновьями строит ковчег и ожидает наводнения, то в его дом пожаловал сам верховный жрец науки.

— Ты вносишь смуту в общество, — сказал он Ною, — какие у тебя основания, чтобы подвергать сомнению наши научные прогнозы?

— Все приметы сходятся, — ответил Ной, — будет наводнение, и очень сильное.

— Боже мой! — воскликнул верховный жрец. — Какая дикость! Приметы! Ты бы еще сказал — суеверия! Ведь мы вычислили засуху с помощью большого квадрата и формул гидрокосмоса! Да знаешь ли ты, что даже сам великий Шушу участвовал в расчетах?

— Мне нет дела до вашего Шушу, я думаю о том, как спастись.

— Невежда! — закричал в гневе жрец. — Ты, наверное, и грамоте

не научился за шестьсот лет? Занимался бы своими табуретками! — Научусь, если надо будет, — спокойно ответил Ной, — а вообще ты бы лучше не кричал на меня в моем доме, а то вот позову Хама...

На другой день на всех площадях и базарах от имени верховного храма науки Ноя предавался анафеме. Но он к этому времени уже заканчивал смолить свой ковчег. А еще через день все и началось. Разверзлись хлеба небесные...

...Когда ковчег причалил к горе Арарат и Ной с детьми и всеми пожелавшими спастись вышли на землю, освободившуюся от потопа, он сказал:

— Теперь, кто вышкол, может подзаянться и наукой. Только ближе к жизни, ребята, может, вы и сумеете что-нибудь придумать! Однако вот погоду не беритесь предсказывать. Это — дело тонкое!

Напомним, что во время раскопок в Уре археологи обнаружили под слоем ила, нанесенного потоком, развалины храма науки. Там же были и глиняные таблички с расчетами, о которых шла речь. При расшифровке их выяснилось: вместо знака «плюс» кто-то случайно в одном месте поставил «минус». ■

ДМИТРИЙ МОРОЗОВ
Рисунок М. ЗАРЕЦКОГО

«... Память моя почти ничего не сохранила из важнейших подробностей этого вечера, кроме большой руки Маяковского, его нервно движущихся пальцев — они были все время у меня перед глазами, сбоку, рядом, — которые машинально погружали в медвежье шкуру и драли ее, скубали, вырывая пучки сухих бурых волос, в то время как глаза были устремлены через стол на Нору Полонскую — самое последнее его увлечение, — совсем маленькую, прелестную, белокурую, с ямочками на розовых щеках...» — так вспоминал о вечеру тринадцатого апреля 1930 года Валентин Катаев. О последнем вечере в жизни Маяковского.

МАЯКОВСКИЙ

Этот браунинг дамский в огромной руке!
Этот выстрел, что связан с секретом,
От которого эхо гудит вдалеке.
В назидание прочим поэтам!
Отчего, агитатор, трибул и герой,
В самого себя выстрелил вдруг ты,
Так безразливо воды избегавший
сырой

И не свийши пемытые фрукты?
Может, женщины этому были виной.
Что сожгли твою душу и тело.
Оплатившие самой высокой ценой
Неудачи своих адюльтеров?
Суть не в этом, а в том, что
врагами друзей
С каждым новым становятся часом.

Что всю звонкую силу поэта нельзя
Отдавать атакующим классам.
Потому что стихи воспевают геррой
В оголтелой и воющей прессе.
Потому что к штыку приравняли
перо
И включили в систему репрессий.
Свой последний гражданский ты
выполнил долг,
Злодеяний иных не содеяв.
Ты привел приговор в исполнение
до.
А не задним числом, как Фадеев.
Продолжается век, обрывается
день
На высокой пронзительной ноте,
И ложится на дом Маяковского тень
От огомского дома напротив.
 Александр Городницкий

ТАК КТО ЖЕ УБИЛ МАЯКОВСКОГО?

Так уж получилось, что их знакомство произошло за год до этого и тоже у Катаева. Они были веселые, радостные, уже немного влюбленные. И вот все совсем по-другому, иначе. Нервные, раздраженные и какие-то отчужденные. Маяковский что-то пишет в записной книжке, отрывает страницы и бросает ей через стол, напряженно ждет ответов. Переписка, ложная, как писал Катаев, «на смертельную, молчаливую дуэль».

Да, очень непросто было разорвать этот узел. Совсем еще молодая, начинающая артистка Художественного театра. Бесконечные репетиции, ни одну из которых нельзя пропустить. И муж, артист Михаил Яншин, от которого приходится скрывать свою, все более растущую любовь к поэту, близкие отношения с ним. Маяковский не хотел ждать. Нервный, до предела накаленный открытой, озлобленной травлей «собратьев по перу», да и всех других, кого раздражали его бескомпромиссность, громкий голос, он как за соломинку держался за нее, любовь к ней. И требовал, чтобы она немедленно пошла с мужем, ушла из театра.

В тот последний вечер у Катаева в кармане поэта уже лежало написанное накануне предсмертное письмо, в котором он прощался с жизнью, просил не сплетничать, обращаться к правительству с просьбой обеспечить сносную жизнь его близким: «Моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская».

Вероника (и он, да и многие другие называли ее тогда Норой), конечно, не знала в тот вечер об этом письме. Они условились, что продолжат разговор утром у него, в Лубяжском проезде. Смысл того, с чего начал этот разговор Маяковский, Вероника Витольдовна пересказала через восемь лет в воспоминаниях, которые хранятся в фондах Государственного музея

На фото:
В. Маяковский
в Париже, 1923 год.
В. Полонская
в роли
Розалинды
в спектакле
«Как вам это
появится».

ПАМЯТЬ ГОВОРИТ

В. В. Маяковского: «Он понимает — то, что было вчера — отвратительно. Но больше это не повторится. Вчера мы оба вели себя глупо, пошло, недостойно. Он был безобразно груб и сегодня сам себе мерзок за это. Но об этом мы будем вспоминать. Вот так, как будто ничего не было. Он уничтожил уже листки записной книжки, на которых шла вчерашняя переписка, наполненная взаимными оскорблениями... Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас, ничего не сказав Яншину, и театра не брошу».

Он не соглашался, требовал, чтобы она осталась, настаивал на том, что сам поговорит с Яншиным.

А потом, видимо, убедившись в тщетности разговора, крикнул, чтобы она немедленно ушла, еха-

Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору: не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение, в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди было крошечное кровавое пятнышко...»

Казалось бы, все ясно, все давно уже установлено. Более шестидесяти лет отделяют нас от того трагического дня. Но вот стали появляться новые и новые версии, слухи. Что ж, к ним, как говорится, нам не привыкать. Их и при его жизни было предостаточно. Как мог, отвечал на них, боролся с ними.

Сейчас серьезнее, глобальнее. Вот В. Сякилов и Г. Шорохова раскопали в архиве и опубликовали в еженедельнике «Ветеран» неизвестное письмо небезвестного в свое время А. Колосова работнику ЦК КПСС В. Воронцову. Написано оно было еще в 1968 году. Очень обеспокоенное письмо. Что же встревожило тогда А. Колосова?

«Обдумывая известные мне и во многом и Вам обстоятельства смерти В. В. Маяковского, — писал он, — я пришел к убеждению, что это было скорее всего убийство, а если и самоубийство, то хитро, тонко подготовленное врагами поэта».

Да, бесспорно, врагов у Маяковского хватало. И среди «потемоческих рвачей и выжиг», и среди тех, кого уже не на шутку начинала беспокоить и раздражать его наступательная, непримиримая ненависть к взяточникам и подхалимам всех мастей и рангов, к бюрократам и помпадурам с партийными билетами. И что начинает себе много позволять, «роясь в сегоднешнем окаменевшем дерьме». В сегоднешнем, да еще и окаменевшем? А ведь еще совсем недавно писал, что радуется маршу, с которым идем в работу и в сражение, что жизнь хороша и жить хорошо, так и поэму свою назвал: «Хорошо!». Сейчас говорит, что задумал поэму «Плохо!».

Нет, не эти врагов поэта подозревал А. Колосов, совсем дружил — Лиллю Юрьевну и Осипа Максиминовича Бриксов. Это им, оказывается, нужно было из меркантильных, «хищных» соображений во что бы то ни стало «убрать» Маяковского из жизни». И В. В. Полонская была к нему «подослана» ими.

Не осталось в стороне от новых версий и телевидение. В ленинградском «Пятом колесе» выступил некий художник, поделившийся воспоминаниями своего отца. Вернее, теми сведениями, которыми поделился с отцом его друг.

А тот пересказывал то, что узнал от своих друзей. Вот такая сложная цепочка, а суть состояла в том, что в центре трагического апрельского события чуть не оказалась «близкая подруга» поэта Муся Малаховская. Ей еще раньше было известно от Маяковского о странных событиях, происходивших с ним. Неизвестно от кого получил посылку с оружием. Удивился, встревожился и отнес эту посылку в ГПУ. Но там ее не взяли, сказали: «Вам положено это иметь». А в ночь на 14 апреля он позвонил ей, просил, требовал срочно приехать к нему. Она поехала утром, по дороге звонила ему. Услышала незнакомый мужской голос: «Маяковского нет и больше не будет. А вы кто такая?» Она испугалась, повесила трубку и уехала к сестре в Ленинград. И только успела все это рассказать сестре, открывшая дверь, ее выселили и арестовали.

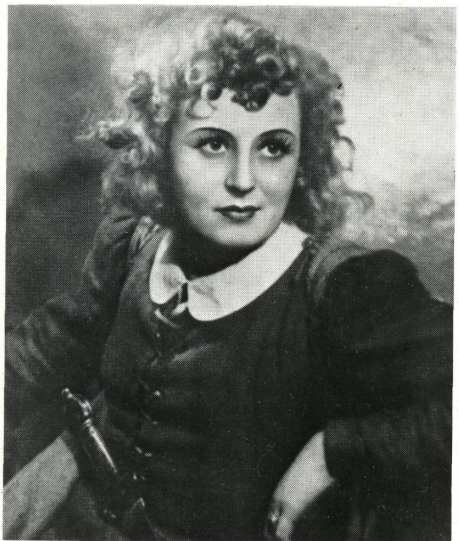
Вот такая загадочная история. И еще одна версия — фотоснимок, показанный в полудночной телепрограмме. На рубаше поэта просматривались два темных пятна, значит, было как минимум два выстрела. Стало быть, убийство! Но впоследствии это предположение не подтвердилось. К такому выводу пришел В. Сякилов в обстоятельной статье «Послесловие к смерти», напечатанной в «Журналисте». Но там же высказывалась и доказывалась мысль о весьма вероятном убийстве поэта.

Несколько разных, но в чем-то сходных версий. И почти в каждой из них — утверждение о причастности ГПУ, о зловещей роли ответственного его сотрудника Я. Агранова. И настойчивое желание о необходимости тщательнейшего расследования органами КГБ обстоятельств, связанных с трагической смертью поэта. Ну как тут не вспомнить еще и о «загадке» Евсина?

А мне все же хочется вернуться к воспоминаниям В. В. Полонской, три с лишним года назад напечатанных в журнале «Литературная учеба», и привести соображение С. Стримневой, подготовившей эту публикацию: «Она была единственным свидетелем... Никто не может опровергнуть или подтвердить то, что видела и пережила она 14 апреля 1930 года. Да и только кто 14 апреля?»

Справедливость этого соображения я особенно ощутил во время личной встречи и беседы с В. В. Полонской. И все же думаю, что расследование, о котором говорилось выше, надо провести. В этом заинтересованы все. И в первую очередь они нужны самим органам КГБ.

Марк ПОЛОНСКИЙ

На второй звуковой странице вы услышите беседу с В. В. Полонской. Она вспоминает о своих отношениях с Маяковским, об обстоятельствах его трагического ухода из жизни.

ла на репетицию. Забегал по комнате, подбегал к письменному столу. Она услышала шелест бумаги, но ничего не видела, так как он загоразивал собой стол. Спросила: «Что же, вы не проводите меня даже?» (Несмотря на близость, она все еще обращалась к нему на «вы».) Он подошел к ней, поцеловал и сказал: «Нет, девочка, иде одна, будь за меня спокойна». Спросил, есть ли у нее деньги на такси. Узнав, что нет, дал 20 рублей. Вот так и расстался.

И еще одна выдержка из воспоминаний: «Я вышла, прошла несколько шагов к парадной двери.

О начале своей артистической карьеры Полина Белиловская вспоминает с улыбкой. Но тогда было не до смеха. Все было так интересно — работа с профессиональным режиссером, мастерская художника, где проходили репетиции, спектакль, создаваемый по народным мотивам. И вдруг открылась дверь, и на пороге... участковый милиционер. Он предложил всем предъявить документы или в крайнем случае представиться. А потом сотрудник компетентных органов очень интересно расспросил: зачем вы, студентка музыкального факультета МГУИ им. Ленина, нужно-пять именно еврейские песни? Но уже один красноречивый взгляд, первая же ее фраза были убедительнее всякого ответа.

Полина выросла в Новороссийске и с детства слышала, как отец и мать разговаривают на идиш. В доме хранились старые пластинки, слушать которые Полина очень любила, но долго не понимала, о чем поют Сиди Таль, Нехема Лифшицкие и другие исполнители. По ее просьбе отец и его друзья переводили песни на русский язык. С тетрадкой, в которой были записаны песни ее народа, Полина и приехала в Москву.

БЕЛИЛОВСКАЯ НАЧИНАЕТ И...

Правда, до этого у нее уже был опыт выступления на сцене, но в детском ансамбле она пела в основном песни пионерские и комсомольские (ей это было тогда интересно, но все же хотелось чего-то иного — для души). А потом Полина просто поехала. В Новороссийск на гастроли приехала ныне забытая певица Клементина Шермель, которая прекрасно исполняла еврейский фольклор. Естественно, что среди небольшого числа зрителей, которые рискнули в то тяжелое время прийти на концерт, была и Полина со своими родителями. Она не могла после его окончания не пройти за кулисы и не вручить громадный букет. А еще и спела актрисе что-то из того, что к тому времени успела разучить. И услышала от нее не обычные похвалы, которые рассказывают знаменитости, а такое искреннее и заинтересованное одобрение, что было до глубины души потрясена.

И еще один случай ей запомнился. Уже уходя в Москву, она при-

шла в синагогу в один из религиозных праздников, который сопровождается, по обычаю, песнями и танцами. Как всегда в таких случаях, возле синагоги собралась многолюдная толпа. То там, то здесь возникали песни. Но это были две-три мелодии, другие почему-то не звучали.

Естественно, Полина не удержалась и спела все, что знала. Это сейчас в ее репертуаре семьдесят песен на идиш, а в ту пору их было совсем немного. Но все же получился импровизированный концерт. Тогда-то она и сорвала свои первые аплодисменты. Ну, а дальше все было гораздо проще — полулегальный фестиваль еврейской песни в Овражках, где ее выступление отметили специальным призом, приглашения на разбросанные по столице площадки принять участие в постановке спектакля. Премьера его так и не состоялась. Но диплом «Еврейский фольклор в творчестве Шостаковича и Прокофьева», несмотря ни на что, был Полиной блестяще защищен, хотя

в его названии, по понятным причинам, пришлось снять всего одно слово, чтобы не портить девочке карьеру. Теперь у Полины Белиловской в кругу знатоков и любителей еврейского фольклора много поклонников.

Что же выделяет ее среди других исполнителей? Не буду сравнивать, потому что каждый выбирает свою интонацию, свое направление. Другое дело, что Полине и не надо было ничего выбирать, специально разучивать, потому что песни возникают из самой ее сути естественно и просто, так безыскусно и трогательно, как будто написаны не столетия назад, а совсем недавно. Представляя песню, певица рассказывает о ее предыстории, переводит содержание, помогает понять смысл и подтекст, так что концерт несколько напоминает лекцию, но без занудства и академизма.

Искренность, доходчивость и профессионализм — вот, пожалуй, то, что отличает исполнение Белиловской. Она не стремится никого удивить неожиданными аранжировками, как это делают иные. Бережно относится к фактуре песни, стараясь воспроизвести мелодию и звучание очень близко к оригиналу, как она его понимает. И все

На шестой звуковой странице слушайте в исполнении П. Белиловской песни: «Я не хочу такого жениха» (М. Гебрит), «Кольбельная» и «Я портняжка» (еврейские народные). Аранжировки О. Белиловского.

Фото Алексея ЛИДОВА

ЗНАКОМСТВА

же перед нами не музейный раритет, а живая природа народной песни, которая воспроизведена выразительно и просто.

Возможно, кого-то удивит, что Полина выступает в сопровождении трио гитар. (В состав его входят Сергей Костюхин, Александр Платонов, а также муж Полины — Олег Белиловский, с которым 9 лет назад она начинала концертную деятельность.) Традиционным считается, что в таком ансамбле обязательна скрипка. Но сколько раз разочаровывали концерты, где и скрипки были, и кларнеты, вытягивающие древнюю мелодию, и национальные костюмы. А все равно казалось, что это лишь подделка под народное искусство. Успех начинается не со злободневности, не с моды, а с высокого профессионализма, что для Полины Белиловской стало ясно с первого дня, десять лет назад. Но как это можно было объяснить сотруднику компетентных органов, она не знает до сих пор. ■

Илья АБЕЛЬ

В жизни он был верным парнем. Сейчас это, кажется, уже не модно, и, может быть, поэтому верность мешала ему жить. Он преданно любил родителей, красивую жену, сына, брата, он всегда был верен мелодии. Но сердца не хватало на всех. И вот острая сердечная недостаточность. 42 года — какая-то роковая черта для истинных талантов: Элизвиг Пресли, Джо Дассен, Владимир Высоцкий, Евгений Мартынов...

Однажды он услышал такую историю. Над землей летели лебеди, легко и радостно было им вдвоем в голубом небе, да вдруг раздался выстрел... Не пережил лебедь гибели своей подруги, сложил крылья и камнем упал на землю. Это был случай из жизни, о нем писали в газетах, и, казалось, сюжет только лишь искал своего композитора.

Автором и исполнителем «Лебединой верности» стал совсем еще юный Евгений Мартынов. Песню подхватила страна, ее запели на городских улицах, деревенских завалянках, на домашних вечеринках — ведь тоска по верности, любви, теплоте всегда была и держится в народе. И тут, как говорится, Женя попал в десятку. И тоже не случайно. Он вырос в семье, где не всегда хватало денег на жизнь, но на верности и любви держался дом. Его мама

Нина Трофимовна девчонкой попала на фронт. В конце войны на пути к Берлину встретилась в госпитале с раненым солдатом Григорием Мартыновым, выходя-

при всем этом умудрялся казаться благополучным, веселым, ухоженным. Он всегда сиял.

Слава обрушилась на него мгновенно — «Лебединая верность», «Баллада о матери», «Яблоно в цвету»... Он стал желанным гостем теле- и радиопередач, лучшие поэты пытались пробиться к нему со стихами, знали, что если музыку напишет Е. Мартынов и сам же споет, то популярность обеспечена. Уже не было прежних проблем. Деньги, любые концертные площадки, zahraniчные поездки, юная жена, свой дом — все в лучшем виде.

Но не было покоя. Все от той же самой верности мелодии, от того, что не мог он работать спокойно и размеренно. Он жил в постоянном поиске, недовольстве собой, страдал от равнодушия музыкальных чиновников, несовершенства студийных записей, от необязательности друзей.

Кстати, о друзьях. Казалось, что вокруг него их было очень много. А верных-то, настоящих — раз, два — вот и все! И что удивительно, это были не музыканты, а простые добрые ребята — летчик, врач, милиционер. Вот уж поистине по первому зову, не раздумывая, они бросали все и мчались к нему. А вообще он был очень замкнутым, домашним. Когда появлялась новая мелодия, тут же

ЛЕБЕДИНАЯ ВЕРНОСТЬ

**На седьмой
звуковой странице
первая
и последняя
студийные
записи
Е. Мартынова:
песни
«Июнь»
и «Марьяна
рощица»
(стихи
А. Дементьева,
А. Пьянова,
И. Резника)
в исполнении
автора.**

звонил маме, брату, тормошил жену — послушайте, где что не так, нравится ли, не напоминает ли чего-то? Он всегда был верен своей манере исполнения: свой образ, интеллигентность, простота...

Но времена менялись. Уже запомнили эстраду рок, тяжелый металл, погулели нечесаные мальчики. Мелодия в песне, ее лиричность и чистота были отштучены на задний план. Но Жене и в голову не могло прийти вдруг в угоду моде поменять костюм, причёску или, например, взять и запрятать по сцене таким бодрячком... Он был верен себе.

Эта верность стоила ему дорого. То из одной, то из другой праздничной телепередачи при монтаже вырезали его номер, ссылались на несовременность, старомодность... И это при его-то болезненной ответственности за свое творчество. Сердцем он этого понять не мог.

Ну да бог с ней, с режиссурой, кто-то «видел» его, кто-то «не видел» в сегодняшних шоу, я знаю одно: народ принял его песни навсегда. То за одним праздничным столом, то за другим вместе с традиционной «По Дону гуляет» поют «Лебединою верностью», «Аленушку», «Марьину рощу».

Яркая звезда композитора милостиво божьей Евгения Мартынова вззошла стремительно. Но это та звезда, которая, погаснув, еще долго-долго посылает свет людям. Думаю, что у его песен будет еще второе рождение, им «как драгоценным винам, настанет свой черед». Поэтому что все они живут

ла его, а вернувшись домой, молодожены поселились в Камышин Волгоградской области. С тех пор, вот уже 45 лет, вместе. В любви и согласии вырастили двух сыновей. Когда мальчишки фанатически потянулись к музыке, с большим трудом собрали на аккордеон, решили, что надо ребятам готовиться в консерваторию.

Песенные мелодии не давали Жене покоя. Они просто преследовали его, он записывал их на традиционных листочках, на клочках бумаги. С набросками первых песен отправился в Москву, без чье-либо поддержки сам открывал двери, стучался, звонил... Ночевал на вокзалах и снова работал. Но

в народе, все — о любви и верности. А это ценности вечные. И, наверное, прав был поэт Андрей Дементьев, сказав, что «все мы, его друзья, остались Женными должниками».

Да, мы остались должны ему за то, что легкомысленно думали, что Женя Мартынов будет всегда. Но ведь это правда — он всегда и будет!

Ольга КРАЕВА

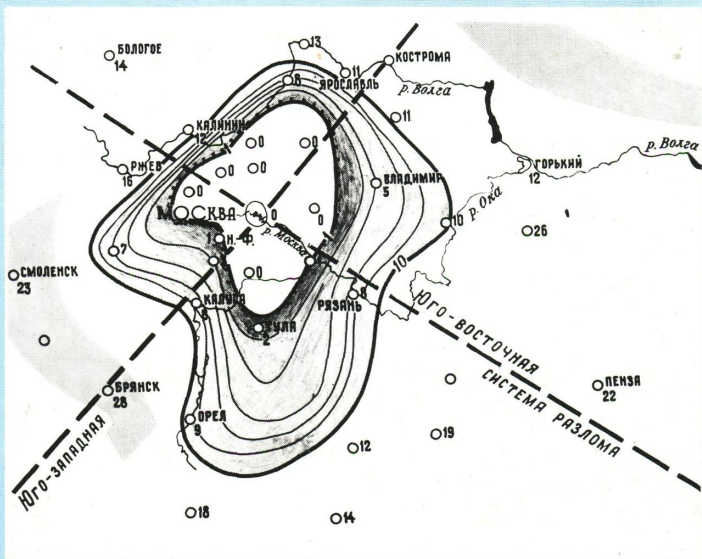
**УХОДЯ
ОСТАЮТСЯ С НАМИ**

Идея «конца света» скорее всего появилась одновременно с его рождением. Крушением всего сущего периодически пугали человечество и в средневековье, и не так давно, и ныне пугают. Дата последнего «конца света» приурочена к исходу двадцатого столетия. А поскольку реальных средств для того, чтобы уничтожить наше крошечное мироздание, напридумано и накоплено уже много, то люди склонны скорее поверить в реальность кошмара, нежели отмахнуться от пророчеств. Но ведь и отмахнуться мало. Оптимизм требует подкрепления...

И вот в Москве, в одной из научных лабораторий, уже более двадцати лет ведутся детальные исследования самых разных физических процессов, происходящих в недрах Земли, анализируются их взаимосвязь с Космосом, делаются попытки, причем результативные, предсказать большие и малые катастрофы на нашей любимой планете. Руководит лабораторией кандидат геолого-минералогических наук И. Н. Яницкий. Кстати, совсем недавно у него появился новый титул — председатель проблемной комиссии по прогнозу и компенсации чрезвычайных ситуаций при СНИО Академии наук СССР. Я не удержался от соблазна и задала вопрос И. Н. ЯНИЦКОМУ, на мой взгляд, самый страшный:

— Так возможен ли конец света?

— Если иметь в виду экологическую катастрофу, то о ее угрозе говорят все. Уже определен и момент начала необратимых процессов, последствия которых можно сравнить только лишь с термоядерной войной: 2010—2020 годы. Главную опасность, помимо всего, ученые видят в увеличении концентрации углекислого газа в атмосфере, что должно в результате вызвать парниковый эффект, приводящий к повышению температуры на 2—4 градуса. Далее якобы должны расстаться ледя Антарктиды. Но реалии говорят совсем об ином. Поскольку все атмосферные процессы развиваются в соответствии с геодинамикой, то они реализуются быстро и эффективно. Происходит локальная разбалансировка нормальной атмосферной циркуляции с общим усилением интенсивности циклонов и антициклонов, в результате в одном месте земного шара возникают переувлажнение, затопление, шкавалы, ливни, градобитие, а в другом наоборот — иссушение, пыльные бури, пожары. При этом признаки

БЫТЬ ЛИ КОНЦУ СВЕТА?

глобального повышения атмосферной температуры в пределах точности спутниковых измерений нет.

— Честно говоря, вы меня несколько успокоили. Но вот у вас на стене карта Москвы, она как бы перечеркнута большим крестом. Что это означает? Неужели Москва грозит некий катаклизм?

— Начну с того, что московский промышленно-хозяйственный мегаполис представляет собой самую неравновесную и неустойчивую систему, которую создали люди. Даже в условиях штатной он функционирует только благодаря десяткам подпорок. Нарушить такую систему природа может, как говорится, в секунду, даже без землетрясения. Достаточно хотя бы мощного бурана. Далее пойдет по сценарию, уже хорошо «отрабатанном» на Украине, в Прикаспии, в Казахстане, в Сибири, в Нечерноземье, поскольку необходимого запаса прочности ЛЭП не имеют. И случись что, нам некуда будет бежать, поскольку сельская глубинка того же Нечерноземья приведена за 70 лет наплевательского к нему отношения в безжизненное пространство. Поэтому Мос-

сква — это как бы гигантская мышеловка с 10 миллионами заложников. Расплата будет мгновенной. На морально не подготовленное население обрушится психологический шок.

Ведь не будет ни воды, ни тепла, ни света. Перестанут работать транспорт, связь и вся промышленность. Далее по «сценарию» наступает голод. Но не пугайтесь ради бога! К счастью, такого пока не произойдет, потому что нас спасает новость откуда взявшаяся защитная Московская стена. Мы ее называем геокосмической.

— Это что-то из области фантастики!

— Отнюдь! Это реалии. Причем скрупулезно зафиксированные нашими приборами. Мы заметили, что с 1988 года количество экстремальных погодных ситуаций резко снизилось. В то же время на удалении 500—1000 километров оно явно усилилось. Это означает консолидацию недр в центре с их активизацией по периферии. Факт представлялся особенно интересным потому, что Москва расположена на пересечении двух транс-континентальных систем разло-

На рисунке: Структурно-тектоническая позиция Москвы в сопряжении двух систем трансконтинентальных разломов, просматриваемых на космических «Метеор».

Точки с цифрами — метеостанции с количеством аномальных случаев. Затемнениями показаны аномалии энергетического поля, наблюдаемые операторами.

ЛЕГЕНДА И ПРОГНОЗЫ

мов, видимых на космоснимках даже без дешифрования (см. иллюстрацию). Мы знаем также, что концентрическая структура Москвы является не только местом их пересечения, но и центром гигантской кольцевой системы, производные рельефа которой просматриваются, начиная уже с сотен метров от стен Кремля и кончая за тысячами километров.

Особенности характера Барополя Москвы были известны синоптиками давно. Всегда здесь были труднопрогнозируемые отклонения. Особенно заметной разбалансировка стала с весны 1989 года, хотя в это время и позже Гидроцентр еще не раз давал для столицы штормовые предупреждения. Действительно, с традиционных западных направлений к Москве не раз приближались мощные возмущения. Но каждый раз, дойдя до Брянска или Смоленска, вихрь сбрасывал свою энергию — летели криши, рвались провода, падали вековые деревья, столпы же достигали остатки равных туч с привычным ветром и дождем. И пока стояла эта стена, никаких землетрясений и других глобальных неприятностей здесь быть не могло. Но с осени прошлого года стена начала постепенно «таять».

— Стало быть, Москва все же беззащитна?

— Видите ли, Москва вообще место если не святое, то, я бы сказал, уникальное для всей планеты. Здесь прослеживается некая глубинная связь земли с Космосом. Кстати, независимые опросы биоператоров дали поразительный результат: все они обрисовали с помощью биолокации две аномальные зоны, пересекающиеся на Красной площади. Отчетливо вырисовывается гигантский крест. А крест ведь всегда был символом защиты! Это явление обнаружил еще древний экстрасенс Василий Блаженный, указавший место для постройки Покровского собора.

— Верно ли я вас понял, что все это фантастическое сочетание разломов, энергетических крестов удержит Москву от напасти?

— В общем, да. Но я хотел бы напомнить удивительно своевременное высказывание адмирала Ушакова: «Помни аварию даже ту, которой еще не было! Тогда ее не будет».

Беседу записала
Марина НАТАЛИЧ

Основной инструмент поп-музыки — гитара — отнюдь не является лидирующим в звучании групп стиля «техно-поп». Это направление ведет свою родословную от электронных конструкций известных западногерманских групп «Танджерин Дрим» и «Крафтверк», особенно известных в семидесятые годы. Их музыканты сделали упор на синтезаторы, и сложная техника использовалась ими как символ новой электронной эры, превращающей наш мир в подобие царства роботов, и бесстрастное звучание лишь подчеркивало холодность лишенной чувств, перегруженной техникой цивилизации, одиночество затерявшихся в ней людей.

Но восьмидесятые годы — время более радостное, веселое и оптимистическое в западной поп-культуре. Такие группы, как «Софт Селл» или «Шландуа баллет», стали использовать прежние находки и сложную технологию как средства создания новой поп-музыки, близкой «старой» эстраде своей sentimentalностью, романтизмом и чувственностью. Правда, пионеры направления быстро растворились в джунглях шоу-бизнеса, но не их быстрое исчезновение было причиной успешного взлета группы «Депеш Мод», ставшей лидером стиля «техно-поп».

В основе названия коллектива — популярный французский журнал мод. Именно так решили подчеркнуть свою приверженность к красоте школьные друзья Мартин Гор, Эндрю Флетчер и Винс Кларк (он стал вначале лидером группы и основным поставщиком мелодий). Чуть позже они нашли завязательного вокалиста Девена Гахена, и состав квартета определился окончательно. Начав как обычный поп-состав, четверка быстро отложила в сторону гитары и практически полностью переключилась на синтезаторы, записав свой первый сингл «Мечтая обо мне»

И ТЕХНИКА, И ДУША

На восьмой
звучковой
странице
песни
М. П. Гога
«Позди колеса»
и «То, что ты
сказала»
с концертного
альбома
«Депеш Мод-101».

и альбом «Говори и производи». Практически все песни сочинил Винс Кларк, который вскоре покинул «Депеш Мод», и его всевозможные успехи заметил Мартин Гор, который с этого времени сочиняет большинство песен для репертуара «Депеш Мод» (кстати, он недавно выпустил первый, на мой взгляд, очень удачный, сольный альбом).

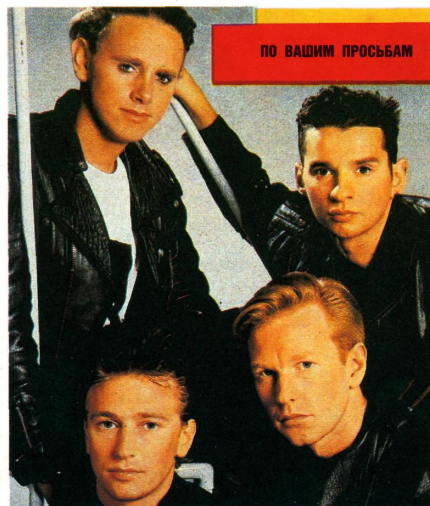
Уже в следующем, 1982 году новый сингл группы «Вижу тебя» занял еще более высокие позиции в британском хит-параде и принес квартету всеорлобскую известность. В это же время окончательно стабилизировался состав «Депеш Мод». Кларк сменил Алан Уайлдера, и группа продолжила свое восхождение — очередной хит «Давай, держи баланс» (1983 год) был первой известной песней, которую музыканты записали в таком составе. За ней последовали «Значение любви» и «Люби самого себя». Удачей стали и сингл под названием «Люди есть люди», и боевик следующего года «Это называется сердцем».

Но поистине феноменальными удачами стали для «Депеш Мод» два вышедших следом друг за другом альбомы — «Черный юбилей» и «Музыка для масс». Принадлежность к числу моих самых любимых принадлежат также песни из этих альбомов, как «Вопрос времени», «Странная любовь», «Не позволяй мне больше опускаться вниз». В 1989 году в продаже появился концертный альбом «Депеш Мод-101», составленный на основе записей, сделанных во время американского турне группы.

Этот альбом особенно рельефно демонстрирует достоинство музыки четырех английских артистов: живые, лишенные механической заданности мелодии, использование электроники совсем не вредит теплоте и задушевности звучания. Музыкального материала, а большинство песен вполне подойдет для любителей потанцевать...

Много это или мало? Конечно, некоторым нашим слушателям, воспитанным на традициях социального рока, трудно отойти от привычки рассматривать искусство того или иного коллектива под углом политической направленности текстов. «Депеш Мод» подобной тематикой не увлекается, ее песни больше обращены к внутреннему миру человека, но это не просто конвейерное воспроизведение привычных музыкальных и текстовых клише. По мнению моих коллег, критика из Мюнхена Юлии Эденхорфер, группа «стала лучшим образцом английского «техно-попа», создателем музыки, в которой всегда есть оригинальность, интеллигентность и талант». Такова точка зрения восторженной поклонницы «Депеш Мод», но мне кажется, что такие оценки по отношению к четверым музыкантам вполне справедливы...

Недавно группа записала новую песню с игривым названием «Персональный Иисус», которая попала в хит-парады многих стран. Поэтому давайте не будем больше дискутировать, а просто послушаем песни «Депеш Мод», тем более что музыканты не дают слушателям расслабиться — на подходе очередной альбом.

Виктор ГЛАЗОВ

О Шалягине, отце Борисе и любви к отечеству

Начало этой истории относится к лету прошлого года. Киногруппа студии «Возрождение» снимала воспоминания детей Ф. И. Шалягина об отце. Чередой проходили перед нами картины жизни великого певца, искуснейшего его творчества, наконец, величественных его похорон. В своем доме в местечке Сабаудиа, к югу от Рима, Марина Федоровна Шалягина показала нам полученную от сестры в день смерти Федора Ивановича телеграмму, состоящую из одного слова: «Примешай». Марина Федоровна сразу поняла, что это значит, и бросилась в Париж. Она показала мне альбом с газетными вырезками, относящимися к тем апрельским дням 1938 года. «Пел большой» хор Н. П. Афонского, к которому часто во время богослужений любил присоединяться Ф. И. Шалягин... В церкви собрался весь теат-

фото Л. ЛАЗАРЕВА

БЕЗ ИДЕАЛА В СЕРДЦЕ НЕ ПРОЖИТЬ

ральный, литературный, политический русский Париж», — писали «Последние новости».

Там же, в Сабаудии, зашла речь о том, что живы еще и другие свидетели похорон Шалягина, и среди них было упомянуто имя Бориса Георгиевича Старка. Именовать его надо, конечно, отцом Борисом, ибо духовный сан его — протоиерей. До недавних пор отец Борис был настоятелем Федоровской церкви в Ярославле, где он и живет на тихой, сельского вида Гужевой улице.

И вот из Италии я попадаю на наш север, в маленький домик с садиком, где высокого роста седой человек в рясе неожиданно кладет передо мной на стол несколько бумаг: карту нашего Тихоокеанского побережья, рисованный родовой герб и генеалогическое древо семейства Старков. Я несколько недоумеваю, так как жду разговора о Шалягине, но сразу же принимаю этот неожиданный «дебют Старка».

— Вот смотрите, — говорит отец Борис, водя пальцем по карте. — Это Владивосток, залив Петра Великого, а здесь — пролив Старка. Чуть дальше — бухта Старка, а вот тут — мыс Развозова — это мой дед по линии мамы, тоже адмирал. Говорю «тоже», потому что и по отцовской линии мои предки — моряки. Когда-то шотландцы Старки разъехались по свету. «Западные» Старки стали опять же моряками — адмирал Старк командовал 6-м флотом США в минавную войну. Но были и люди вполне гражданских профессий,

На третьей звуковой странице после вводных слов Б. Г. Старка слушайте в исполнении Ф. И. Шалягина «Покаяние отвержи ми двери» А. Веделя. Запись 1932 года.

На снимках: Б. Г. Старк и Ф. И. Шалягин.

вроде покойного импресарио известной французской певицы Мирей Матье — Джони Старка... А отец мой служил в свое время на крейсере «Аврора», участвовал во время русско-японской войны в Цусимском сражении и был ранен. От этого события осталась в нашей семье память — киот, икона, сделанная из досок палубы «Авроры».

Через много лет авроровец Старк-отец, ставший на чужбине таксистом, будет похоронен сыном-священником недалеко от Парижа, на русском эмигрантском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В церкви при этом кладбище отец Борис прослужил долгие годы. Он принадлежал ко второй волне эмиграции — к тем, кто выезжал из Советской России, чтобы соединиться с родными.

— Оказавшись во Франции, — говорит Б. Г. Старк, — я пошел работать по своей инженерной специальности — электрика. Потом служил инкассатором, коммивояжером. Но параллельно протекало мое церковное служительство. Сначала я был простым пономарем — митрополит Евлогий поставил меня в 1927 году в чтецы. В 1937 году стал дьяконом, еще через год — священником. Кстати, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа возникло относительно поздно. Когда окончался Шалаягин, это было деревенское французское кладбище. Великого певца никто и не думал там хоронить, и местом его первого упокоения стало кладбище Батиньоль в Париже. Именно оттуда его прах впоследствии был перевезен в Москву. Но Сент-Женевьев постепенно стало как бы духовным прибежищем эмиграции. В небольшой церкви с голубым куполом мне пришлось венчаться, отпевать и исповедовать многих соотечественников. Например, я венчал сестру Марины Влади с сыном французского министра Антуана Пина, а панхиды служил и по художнику Коровину, и по писателю Мерехожскому, и по актеру Ивану Мозжухину. Кроме того, я участвовал в отпевании Ф. И. Шалаягина, но оно проходило в православном кафедральном соборе на улице Дарю и было обставлено с невероятной, достойной великого артиста пышностью. Смерть Шалаягина, как и его жизнь, выходила за все пределы.

Я спросил отца Бориса о том, как ему удалось вернуться на родину.

— Когда в 1946 году умер митрополит Евлогий, — ответил Б. Г. Старк, — в Париж прибыли члены церкви из СССР, в том числе митрополит Григорий Ленинградский. Ему-то я и поведал о своем желании вернуться домой. Он мне говорит: «Вы хотите ехать?» — «Да», — «Вы питерский?» — «Да, я родился в Пронштаде». — «А вы

меня не узнаете?» — «Нет, не узнаю». — «А в каких церквях вы молились?» — «У Николая Морского». — «И вы меня не узнаете?» — «Нет». — «Я Николайчук, настоятель». — «Как? Не может быть! Вас же расстреляли вместе с митрополитом Вениамином...» — «Да, сегодня как раз годовщина расстрела...» — «Что же произошло?» — «К Высшей мере нас приговорили 10 человек. Но пошли протесты, и казнили шестерых, я остался жив...»

Вот такой был разговор. Он влезал за меня хлопотать, в конце концов я получил разрешение вернуться.

И вот мы приехали. Мы многое знали о том, что происходило в стране. Например, фотографии взрыва храма Христа Спасителя в Париже печатались. Но масштабы репрессий были нам неизвестны. И еще — царивший повсеместный страх. Когда я приехал в Ленинград, чтобы повидаться с родственниками, то они не пожелали со мной знакомиться. Они сказали: «Мы тебя в анкетах не писали. Значит, тебя просто нет в природе. Ты — выдумка, проклятая, неизвестно что». Конечно, постепенно души людей оттаивают. Сейчас молодым, которые раньше заходили в церковь поглядеть на батюшку, стало ясно, что без идеала в душе не прожить.

— Так о чем же вас чаще всего спрашивает теперешняя молодежь?

— Они хотят, чтобы я объяснил им, что мне дает силы жить так, как я живу. То есть как человек может пройти через испытания, трудности, превратности судьбы, не потеряв веры, не утратив радости. Им важен мой личный опыт. Они видят, что я не являю собой живые мощи, что я, напротив, человек семейный, женатый, что я окружен детьми, внуками и правнуками, что у нас приветливый дом, что мы любим животных и что, наконец, отсутствие колбасы не лишает нас душевного равновесия и не убивает интереса к жизни...

Потом мой собеседник снова заговорил о Шалаягине, упомянув, кстати, о том, что одна из работ о нем была написана музыкальным критиком Зигфридом, настоящая фамилия которого — Старк. Это дядя Бориса Георгиевича — Эдуард Александрович Старк. Под конец речь зашла об исполнении Шалаягина дховной музыки. Тем более что отец Борис слышал шалаягинскую интерпретацию «Сугубой ектиньи» Гречанинова — «Ныне оплущаеши», «Верую» — и в церкви, и в концертах. Какова была манера этой интерпретации, об этом Б. Г. Старк говорит на звуковой странице «Кругозора». ■

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Всю жизнь нас сопровождают, а иногда нам и помогают послышки и поговорки. Но не всегда все в них додумано до конца. Вот это пробел и постарались восполнить наши читатели.

■ С милым Рай в шале.

■ Не все скоту масляница.

■ Вот тебе Бог, а вот — порок.

■ Красота — зарок здоровья.

■ Семь раз отмерь — один отрез.

■ Пьяному морда по колено.

■ Каждому овощу свое время.

■ По одежке встречают, а умных провожают.

■ Доживем до понедельника, вторник, среды, четверга, пятницы, субботы, воскресенья...

■ Ума палатка.

■ Семь Пятниц на неделе.

■ Тише едешь — дальше будешь.

■ Гуси в лебеди летят.

■ Делу — время, потехе — часть.

■ Барон Мутххаузен. Медвежья заслуга.

■ Ум хорошо, а два — хуже.

■ Вот тебе, бабушка, и Юрьев дед.

■ Дочки — в матери. Н. ОДИНЦОВ
Москва

■ Лора отлучает музыку по тромбоному.

■ Управление открывает биржу, когда его акции падают.

■ Символ большинства коллективизма: переходящая клизма.

■ Общество болеет с повышенной нотенатурой.

■ Сигаретный кризис: и цыпленок просят табака.

■ Закалим ахиллесовы пятки отсутствием носков.

А. ПАСТЕРНАК
г. Борка,
Киевская область

В. В. САЗОНОВ, журналист, за статьи «Летин и Троицкий» (№ 2), «Славин и Троцкий» (№ 6), «Пастыри 80-х».

Премей отмечены авторы за лучшие материалы, опубликованные для журнала в 1990 году

Н. И. ТИХОНОВА, кандидат искусствоведения, за серию материалов о советском рок-музыке.

ЛАУРЕАТЫ
«КРУГОЗОРА-90»

М. Ю. ЗАРЕЦКИЙ, художник, за иллюстрации в «Кругозор» и «Колобок», Ф. Б. ШАПДРО, писатель, за рубрику «Волшебный глобус» (детское приложение), «Колобок».

— Какого стиля в музыке ты придерживаешься?..

— Я?.. Никакого! Я просто пишу музыку.

(Из разговора с Андреем Зубковым)

Увидев дома у Зубкова во всех углах кипы писем, я поздравил его с тем, что теперь его можно по праву называть профессионалом. Я всегда считал признание публики выше престижных «корочек» всяких там союзов — писателей, художников, композиторов...

— Да, — вроде бы согласился Андрей. — А вообще-то я даже не предполагал, что письма слушателей могут доставлять такую неизъяснимую радость. Когда тебя хвалят, всегда приятно. Но письма как бы подталкивают под ло-

го успеха. Другое дело, что подобная «скромность» автора и исполнителя А. Зубкова вполне устраивает тех, кто чувствует в нем конкурента. Один из авторов писем Андрей написал:

«После прослушивания вашего последнего магнитофонного альбома «30, или Прощай, Ариадна» я понял, что всем надевшаяся бюрократия не дает подняться на небосклон нашей эстрады очередной талантливой звезде. Я различил в ваших композициях душевное соседство звуков. Под такие сочетания музыки и слов можно проводить танцевальные вечера, можно отдыхать, а можно в них вслушиваться, когда ты один. В нихложена жизнь. Не сравнить с «Лоскувом маем», например. Александр Ледовских, 21 год, с. Донское, Тамбовская область».

и мелодичные. А у души как быная? Сегодня она радостна и открыта, а завтра, случается, ей неуютно и тревожно. Так и пишу. Так и пою.

В искренности Андрея я не сомневаюсь ни на йоту. Знаю его давно, по сути с первого дня работы на радиостанции «Юность», куда он пришел после института музыкальным редактором. Должность, кстати, хлопотная: нужно пропустить через себя неизмеренное количество музыки (да простится мне подобное словосочетание!), прежде чем остановиться на той, которая точно соответствует эфирному образу радиопередачи. А чего стоит подготовка таких информационных-музыкальных программ, как «Молодежный канал» и «Вечерний курьер»? Но ведь огромная популярность обеих названных программ (особенно в первые годы их существования) — заслуга не одних лишь модераторов, но и музыкальных редакторов. На них возложено бремя музыкального лица «Юности». И никогда А. Зубков не попадал под диктат вкусошницы. Как это ему удавалось?

— Очень просто. Еще Шекспир сказал: «Музыка ужасна, когда ни такта в ней, ни меры нет». Думаю, что под понятием «такт» великий англичанин имел в виду не только музыкальный термин. Я лишь против, повторю, агрессивного рока, плакатной и конъюнктурной музыки. Остальные же жанры, стили, манеры — пожалуйста! Хотя и тут неперемное условие: должна быть музыка, а не демонстрация музыкальных инструментов.

Зубков отважился заявить о себе лишь тогда, когда убедился прежде всего сам, что ему есть что сказать другим. И все, что его знает: и те, кто служил с ним в армии, и те, кто учился с ним в вузе, и мы, коллеги по радиостанции, — все обрадовало открытию «неведомого» Зубкова. А может, в этом и есть истина? Поменять вопросительный знак на восклицательный обязывает 16-летний Женя Санников из г. Кант Киргизской ССР: «Андрей! Если людям твои песни нравятся, то они сама тебя позовут, они без тебя не обойдутся».

Соглашались с подобным аргументом. А после того, как услышал одну из последних его песен — «Потаралливайся, гусар!» — невольно захотелось скаламбурить: «Потаралливайся, Андрей!».

Впрочем, каламбур ли это? ■
Борис БАРЫШНИКОВ

На фоне звуковой странице — фрагменты песен А. Зубкова на стихи С. Алеханова и Р. Казановой «Потаралливайся, гусар!» и «Я хочу жениться на тебе» в исполнении автора.

1 (322) январь 1991 г.
Год издания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1991 г.

На первой странице
обложки — артист
кино Д. Харатьян.
Фото А. Лидова

Звуковые страницы
изготовлены
Безвозмездно
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и ГДРЗ
касеты
тиражируются
СП «Интертап»
Сдано в набор
13.11.90

Подл. к печ. 26.11.90.
Формат 84 × 108 мм.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.

Тираж
с пластинками
60 000 экз.

Тираж
с кассетами
33 300 экз.
Зак. 3074.
Цена 2 р. 30 к.

(с пластинками)
Цена 13 руб.
(с кассетами)
Ордена Ленина
и ордена

Октябрьской
Революции
тилография
имени В. И. Ленина
издательства
КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.
Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

☎ Телефон редакции:

24-67-67.
Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия:

Е. Б. БАРЫШНИКОВ,
Б. М. ВИНУКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПОЛСЯКОВА,
Ю. М. ГИЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
А. Я. ЗИГЛИ
Технический редактор
Л. Е. Петрова

ПОКОИЕ
КОМПОЗИТОРЫ

ПОТАРАПЛИВАЙСЯ, АНДРЕЙ!

коть: садись работай! И я сейчас испытываю такой же прилив энергии, как в самом начале своей композиторской и певческой карьеры, хоть и было это совсем недавно.

После на шумевшей «Ариадны», написанной Зубковым в соавторстве с Михаилом Муромовым на стихи Риммы Казановой, он, окая по секрету, испугался: сможет ли сочинить что-нибудь еще такое, что обретет безоговорочную популярность? Зря пугался — смог. Хотя не прибегал к таким беспроигрышным методам, как «раскручивание» шлягеров, создание исполнительского имиджа. Впрочем, напрасно (мое личное мнение) не прибегал. Не вижу в том ничего зазорного. Так делают все в наше время, кто хочет добиться громко-

Когда я показал Андрею это место в письме, он усмехнулся:

— Ох уж этот «Лоскувов май»! Да Бог с ним! Он имеет такое же право на существование и свое творчество, как и другие коллективы. И у него огромная масса поклонников определенного возраста и духовного уровня. Но уже то, что «Май» не пропагандирует агрессивность, делает ему честь. Ты думаешь, я не знаю, что такое мода? Очень хорошо знаю. Но всегда себя одергиваю, если хоть на мгновение в мыслях появляется желание пойти у нее на поводу. Я хочу оставаться самим собой: сочинять песни, которые захочется слушать и напевать другим людям, и получать от этого удовольствие. Если хочешь: душевные

Часто, когда речь заходит о «звездах» в мире эстрады и рока в особенности, полагают, что они жаждут, как по мановению волшебной палочки. Взлет их мгновенен, ослепляющ, магичен. Но «начало» одной из известнейших певиц рока и диско Дайяны Росс было сравнительно медленным. Она родилась 26 марта 1944 года в «Блэк Боттом» — негритянском гетто Детройта. Девочка пела в церковном хоре, а потом вместе с двумя подругами она собрала вокальное трио, которое довольно долго не выходило из сценического круга местных школ и баптистских церквей.

Тем не менее это девичье трио (оно называлось «Приметт») было замечено представителями мощной граммофонной фирмы «Моттаун», работавшей в штате Мичиган. С помощью продюсеров Росс превратила свое трио в группу «Сьюпримз» — «Великоленные». И вот тут и последовал ослепительный взлет этой группы благодаря таким хитам Дайяны, как «Детская любовь» и «Остановись во имя нашей любви».

Росс понимала, что для подлинного успеха, для того чтобы стать

ДИСКЕТКА
В СТИЛЕ РОСС
ДАЙЯНА РОСС
НА ЭСТРАДЕ И В КИНО

На одиннадцатой звуковой стороне Дайяна Росс исполняет песни «Вершина мира» (Т. Сноу) и «Всю ночь любимый» (Дж. Роговей, Л. Робертс).

суперзвездой, о чем она всегда мечтала (перед ней дразничными огнями маячила слава ее любимой актрисы — Барбры Стрейзанд), ей нужно уйти из группы и, как сказал бы наш Леонтьев, остаться «одной, наедине со всеми». И вот в декабре 1969 года она покидает «Сьюпримз».

В общем-то начало ее сольной карьеры приходится на 1970 год. Правда, ей пришлось быстро расстаться с кукольной внешностью, несколько заставившей маской из песенки «Эбби лав» и облыбиться в подаренный ей фирмой «Моттаун» роскошный, усыпанный драгоценностями наряд, в котором она и пела свои знаменитые песни («Протяни руку и дотронься», «Помни меня» и другие. И все-таки славы и богатства (в двадцать шесть лет Росс уже владела миллионным состоянием) было недостаточно, чтобы взлететь на вершину суперзвезд, и Дайяне пришлось отправиться в Голливуд. Ей предложили сняться в фильме «Леди поет блюз» (интересно, попадалось ли это название Патриции Каас?) и сыграть трагедию окончившей с собой в 1959 году американской джазовой певицы Билли Холидей. Хотя критика оценила актерский дебют Дайяны прохладно, картина имела огромный коммерческий успех, образ, созданный Росс, был восторженно принят зрителями и принес ей премию Оскара.

Этот фильм, показанный и в нас на одном из кинофестивалей, пластинка «Мелодии» 1979 года для телеконцерт с ее участием — вот и вся наша видео- и аудиоинформация о Дайяне Росс. Мы не видели двух других ее картин — ни «Красного дерева», ни «Волшебника», в котором она хотела повторить роль, сыгранную некогда знаменитой Джуди Гарланд. Но «Волшебник» потерпел неудачу, и может быть, это заставило Дайяну Росс, уже прочно привязавшуюся к кинематографу, встать к камере с другой стороны — режиссерской, продюсерской.

Итак, можно сказать, что песня и кино в творчестве Дайяны Росс почти всегда шли рядом. И, возможно, в этом и была тайна свалившейся на нее необыкновенной популярности, о которой она с юношеских лет мечтала и добивалась. Впрочем, не забудем, что песни ее действительно великолепны, и поет их она мастерски, прекрасно владея голосом, легко меняя как стили: рок, поп, диско (ее поворот к диско «Любовное хмелье», 1976 год), так и жанры самих песен, которые все больше походят на баллады. Сейчас искусство Дайяны Росс — это уже эстрадная классика, и так к нему и надо относиться. ■

Вера КАРПЕЧЕНКО

«Когда я впервые услышал эту радиостанцию, я позвонил всем своим друзьям и сказал: «Ребята, можете вырывать магнитофоны, они больше не нужны!»

Из письма в редакцию

ЭВРОПА
Плюс

МОСКВА НА: УКВ 69,8 МГц. СВ 1116 КГц.

— Это не радио «Свободная Европа», это — радио «Европа плюс Москва!» — произнес ведущий, и слушатель удивился.

«Что это еще за новое радио?» — подумал он. В программе была прекрасная музыка, и он прослушал ее до конца.

Назавтра все повторилось, а потом каждый день дома и в машине на заветной частоте он искал «Европу плюс...», без которой уже было скучновато. Он стал придирчиво относиться к певцам и группам, понял, что, оказывается, Мадонна нравится ему, больше Патриции Каас (это его личное мнение), и в целом современная рок-музыка гораздо более разнообразна и привлекательна, чем казалась в пересказе критиков.

— Вот оно, творческое влияние Запада! — поспеивался он. Но за рулем уставал уже меньше, а вечером, придя с работы, с удовольствием вытягивал ноги в кресле и удивлялся снегу и снегу — каким, оказывается, ненавязчивым и приятным может быть радио.

— И о чем они раньше там думали? Это же так просто! Музыка — и все! — недоумевал он.

Просто все было только для него — слушателя-москвича, имевшего дома, кроме радиоточки, еще и радиоприемник.

Для создателей новой радиостанции скачок был, можно сказать, революционным. Это потом по их стопам пойдут другие, а пока, вынажив идею новой музыкальной радиостанции, дабы не изобретать велосипед, внешнеэкономическое объединение «Совтелэкспорт», Гостелерадио СССР и другие заинтересованные лица вынуждены были обратиться за помощью в ее осуществлении к давним западным партнерам. И помощь пришла. Так образовалась...

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ компания, точнее, совместное предприятие «Европа плюс СССР», первое в нашей стране СП в области радио.

Что принесли с собой западные партнеры, акционерное общество «Европа плюс Франс»? Прежде всего оборудование, незнакомую

МАДОННА ПОЕТ НА ЧАСТОТЕ 1116

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ

нам технологию вещания. Пленку заменили лазерные компакт-диски, дикторов — ведущие «диск-жокеи», а составлять музыкальную программу помогает компьютер.

Естественно, все пришлось начинать с нуля. И французы оказались неплохими учителями. Так же, как десятилетие назад они сами перенимали новшества у американских коллег, сейчас они с увлечением занимались с небранными по конкурсу ведущими, в прошлом актерами, инженерами, журналистами, учителями, а теперь звукооператорами, режиссерами и дикторами в одном лице.

Диск-жокей «Европы плюс...» работает один за пультом и у микрофона, сам ставит и снимает диски, следит за временем эфира. У него свои часы вещания, а кое у кого уже появилась своя аудитория.

15 часов ежедневного эфира ведут 8 диск-жокеев. Для любителей и уверенных в своих силах сообщая, что есть вакантные места. Можете дерзнуть! Ну а в основном программа музыкальная.

По чьему вкусу составлена она? Расчитана ли программа на поклонников какого-то стиля? Адресована ли она молодежи? Сыплет ли в эфир все подряд с музыкального прилавка Запада?

Нет, нет и нет.

Конечно же, в программу попадают новинки сезона, те, что слушают одновременно в Москве, Московской и прилегающих областях, а также в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Вместе с тем новое радио не забывает и «золотые хиты» прошлых десятилетий.

Чужды «Европе плюс...» только крайности — «крутой» металл и «сладкая» эстрада. Их поклонники еще дождутся своих радиостанций.

«Европа плюс Москва» — для всех любителей и профессионалов, рабочих и бизнесменов, мужчин и женщин. В программе — музыка, информация, реклама. В наш обиход входит новый образ радио — радиодруга, радиопсихотерапевта, радиофона.

Специалисты утверждают, что скоро их будет много — маленьких и больших, независимых радиостанций в парках, городских районах, у каждого появится своя любимая станция и наш дорогой слушатель станет капризным и разборчивым. И это прекрасно, пусть только он не забывает, что «Европа плюс Москва» одной из первых начала революцию на радио.

Е. ТЕРЕШИНА

На двенадцатой звуковой странице
фрагмент передачи
«Европа плюс Москва»:
Мадонна и группа «Иглз»
представляют песни
«Хэнки пэнки»
и «Отель Калифорния».

Цена 2 р. 30 к. (с пластинками) Цена 13 руб. (с кассетами)